

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

{ Биографии,
автобиографии,
мемуары }

Фрэнсис Скотт ФИЦДЖЕРАЛЬД

Заметки о моем поколении

Фрэнсис Скотт Кэй Фицджеральд

**Заметки о моем поколении.
Повесть, пьеса, статьи, стихи**

«Азбука»

1920-1941

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Фицджеральд Ф.

Заметки о моем поколении. Повесть, пьеса, статьи, стихи /
Ф. Фицджеральд — «Азбука», 1920-1941

ISBN 978-5-389-21748-5

Фрэнсис Скотт Фицджеральд, возвестивший миру о начале нового века — Века Джаза, стоит особняком в современной американской классике. Плоть от плоти той легендарной эпохи, он отразил ее ярче и беспристрастнее всех. Эрнест Хемингуэй писал о нем: «Его талант был таким естественным, как узор из пыльцы на крыльях бабочки». Книга «Заметки о моем поколении» представляет признанного мастера тонкого психологизма сразу с многих сторон: здесь и не переиздававшаяся без малого век автобиографическая повесть «Странствие Самоходной Развалюхи», и полное собрание статей, виртуозно балансирующих на грани между художественной прозой и документальной, и подборка стихотворений, и единственная в его творческом наследии полноценная пьеса — «Размазня, или Из президентов в почтальоны»... Большинство вошедших в сборник произведений переведены впервые, а немногие старые переводы тщательно отредактированы и восстановлены.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-21748-5

© Фицджеральд Ф., 1920-1941

© Азбука, 1920-1941

Содержание

Отзвуки Века Джаза	6
Кто есть кто – и почему[1]	6
Это журнал[8]	9
Три города[15]	13
Что я думаю и чувствую в возрасте 25 лет[24]	15
Как бы я продавал свою книгу, будь я книготорговцем[33]	23
Десять лучших книг, прочитанных мною[37]	24
Воображение – и несколько матерей[39]	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Заметки о моем поколении

© А. В. Глебовская, перевод, 2019

© А. М. Зверев (наследники), перевод, 2019

© Е. Ю. Калявина, перевод, 2019

© В. А. Харитонов (наследники), Р. Б. Черный, перевод, 1984

© А. Б. Гузман, примечания, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство Колибри®

Отзвуки Века Джаза

Кто есть кто – и почему¹

История моей жизни – это история непрекращающейся борьбы между желанием писать и стечениями обстоятельств, стремившихся мне в этом воспрепятствовать.

Лет в двенадцать, когда я еще жил в Сент-Поле, я писал на всех уроках – на обороте учебников географии и латинского языка для начинающих, на полях справочников, таблиц и задачников. Через два года на семейном совете было решено, что существует единственный способ заставить меня учиться: отправить в частную школу-интернат. Тут они допустили промах. Интернат отвлек меня от писательства. Я решил, что буду играть в футбол, курить, поступлю в колледж и вообще стану заниматься всяческой ерундой, не имеющей ни малейшего отношения к главному в жизни – каковое, понятное дело, состояло в правильном сочетании диалогов и описаний в рассказах.

Впрочем, в новой школе у меня появилось новое увлечение. Я посмотрел музыкальную комедию «Квакерша»², и с того дня мой письменный стол ломился от либретто Гилберта и Салливана и десятков тетрадей, в которых роились микробы десятков музыкальных комедий.

К концу последнего школьного года я наткнулся на совершенно новенькое либретто, которое лежало на крышке рояля. Спектакль назывался «Его сиятельство султан», на титульном листе было написано, что комедию собираются поставить в клубе «Треугольник» Принстонского университета³.

Этого мне оказалось достаточно. Вопрос, в какой университет поступать, был решен. Принстон – и ничего другого.

Весь первый учебный год я посвятил написанию оперетты для клуба «Треугольник». В результате я провалил экзамены по алгебре, тригонометрии, начертательной геометрии и гигиене. Однако клуб «Треугольник» принял либретто к постановке, а прозанимавшись весьдушный август с репетиторами, я умудрился удержаться в университете и на следующий год, а еще мне дали роль хористки. Потом разразилась катастрофа. У меня начались серьезные неприятности со здоровьем, в декабре пришлось оставить занятия и двинуться для поправки на Запад. Последнее, почитай, воспоминание перед отъездом было следующее: я пишу последний номер для новой постановки «Треугольника», лежа в постели в изоляторе с высокой температурой.

На следующий учебный год, 1916/17-й, я вернулся к занятиям, но благополучно успел возомнить, что единственная стоящая вещь на свете – это поэзия, оттого в голове у меня звенели строфы Суинберна и страхи Руперта Брука⁴, и всю весну я ночи напролет производил

¹ Эссе «Who's Who – and Why» опубликовано в журнале «The Saturday Evening Post» в сентябре 1920 г.

² Впрочем, в новой школе у меня появилось новое увлечение. Я посмотрел музыкальную комедию «Квакерша»... – Бродвейский мюзикл Дж. Т. Тэннера и Л. Монктона «Квакерша» с Иной Клэр (1893–1985) в главной роли и оперетту А. Берени «Пастушок» (тж. «Печальный мальчик») с Гертрудой Брайан (1888–1976) в роли молодой трактирщицы Фицджеральд смотрел в 1911 г. (Примечания А. Б. Гузмана).

³ К концу последнего школьного года я наткнулся на совершенно новенькое либретто, которое лежало на крышке рояля. Спектакль назывался «Его сиятельство султан», на титульном листе было написано, что комедию собираются поставить в клубе «Треугольник» Принстонского университета. – Клуб театральной самодеятельности «Треугольник» был основан в Принстоне в 1891 г. Джессом Линчем Уильямсом и Бутом Таркингтоном и занимался постановкой пьес, написанных самими студентами; за время учебы в Принстоне Фицджеральд выступил соавтором трех мюзиклов для «Треугольника». Оперетту «Его сиятельство султан» (либретто Сайруса Маккормика, музыка Этельберта Невина, стихи Дж. Л. Томпсона) «Треугольник» ставил в 1909–1910 гг. (Примечания А. Б. Гузмана).

⁴ ...в голове у меня звенели... страхи Руперта Брука... – Английский поэт Руперт Брук (1887–1915), умерший по пути на фронт Первой мировой войны, сильно повлиял на раннее творчество Фицджеральда; так, роман «По эту сторону рая» назван по строчке из стихотворения Брука «Тиара Таити». (Примечания А. Б. Гузмана).

на свет сонеты, баллады и рондели. Я где-то прочитал, что поэт не может считаться по-настоящему великим, если до двадцати одного года не напишет ни одного великого стихотворения. У меня оставался лишь год в запасе, а помимо прочего, мне того и гляди предстояло уйти на войну. Прежде чем сгинуть на фронте, я должен опубликовать хотя бы один сборник неподобных стихов.

К осени я оказался в учебном лагере офицеров-пехотинцев в Форт-Ливенворте, успел бросить поэзию и загореться свежей идеей – теперь я сочинял бессмертный роман. Каждый вечер, припрятав блокнот под «Простые задачи для пехоты», я абзац за абзацем переносил на бумагу несколько отретушированную летопись своей жизни и своего воображения. Вчерне были закончены двадцать две главы, четыре из них – в стихах; две главы были готовы полностью; после этого меня засекли и унасекомили. Писать во время учебы стало нельзя.

Осложнение было существенным. Жить мне оставалось три месяца – в те дни все пехотные офицеры считали, что жить им осталось три месяца, – а я так и не оставил в мире никакого следа. Впрочем, мое всепоглощающее писательское рвение какой-то там войне было не останавливать. Каждую субботу в час дня, покончив с недельными трудами, я чуть не бегом бежал в офицерский клуб, устраивался в уголке зала, заполненного дымом, пересудами и шуршанием газет, и на протяжении трех месяцев каждый божий уик-энд валял роман в сто двадцать тысяч слов. Мне было не до правки – на это не оставалось времени. Закончив очередную главу, я отсылал ее машинистке в Принстон.

Сам я в то время жил на этих страницах, исписанных нечетким карандашом. Построения, марш-броски и «Простые задачи для пехоты» были неким расплывчатым сном. Я всей душой сосредоточился на своей книге.

В полк я уехал с радостью. Я написал роман. Пусть теперь война продолжается, если хочет. Я забыл про полифонию и пятистопники, про сравнения и силлогизмы. Я был произведен в лейтенанты, получил назначение в Европу – и тут от издателей пришло письмо, сообщавшее, что, хотя они сочли «Романтического эгоиста» самым оригинальным произведением из всех, какие попадали к ним за последние годы, опубликовать его они не могут. Текст сырой, и произведение заканчивается ничем⁵.

Спустя полгода я оказался в Нью-Йорке и вручил свою визитную карточку секретарям главных редакторов семи газет, с просьбой взять меня репортером. Мне стукнуло двадцать два года, война закончилась, так что теперь я собирался днем выслеживать убийц, а по ночам писать рассказы. Оказалось, что газетам я не нужен. Секретарей послали мне передать, что я им не нужен. Один вид моего имени на визитной карточке сразу сказал им о том, что я совершенно не гоже в репортеры.

Вместо этого я стал сотрудником рекламной фирмы, за девяносто долларов в месяц, – сочинял зазывные фразы, которыми разгоняют скуку во время долгих поездок на сельских автобусах. После работы я писал рассказы – с марта по июнь. Всего их было написано девятнадцать штук: один я сочинил всего за полтора часа, другой мучил целых три дня. Никто их не купил, никто не прислал никаких объяснительных писем. По стенам моей комнаты было развешено сто двадцать два издательских уведомления об отказе. Я писал киносценарии. Я писал тексты песен. Я писал сложные планы рекламных кампаний. Я писал стихи. Я писал скетчи. Я писал анекдоты. К концу июня удалось продать один рассказ за тридцать долларов.

⁵ ...от издателей пришло письмо, сообщавшее, что, хотя они сочли «Романтического эгоиста» самым оригинальным произведением из всех, какие попадали к ним за последние годы, опубликовать его они не могут. Текст сырой, и произведение заканчивается ничем. – Фрагменты рукописи этого незавершенного романа сохранились в архиве Принстонского университета. В переработанном виде «Романтический эгоист» лег в основу первой части романа «По эту сторону рая», причем главного героя теперь звали не Стивен Палмс, а Эмори Блейн и повествование велось не от первого лица, а от третьего. (Примечания А. Б. Гузмана).

Четвертого июля, проникнувшись полным отвращением к самому себе и ко всем редакторам, я отправился домой в Сент-Пол и сообщил родным и друзьям, что уволился с работы и приехал писать роман. Они вежливо покивали, сменили тему и обошлись со мной крайне бережно. Однако на сей раз я уже знал, что делаю. Теперь мне нужно было любой ценой закончить свое произведение, и целых два жарких летних месяца я творил, переписывал, компоновал и сокращал. Пятнадцатого сентября «По эту сторону рая» был принят к изданию, о чем мне сообщили курьерской почтой.

За следующие два месяца я написал восемь рассказов, а продал девять. Девятый купил тот же самый журнал, который отверг его четырьмя месяцами раньше. А потом, в ноябре, я продал свой самый первый рассказ в «Сатердей ивнинг пост». К февралю удалось продать полдюжины⁶. Потом вышел роман. Потом я женился. А теперь сижу и гадаю, как же это могло так получиться.

Говоря словами бессмертного Юлия Цезаря, «этим все сказано, добавить нечего»⁷.

⁶ А потом, в ноябре, я продал свой самый первый рассказ в «Сатердей ивнинг пост». К февралю удалось продать полдюжины. – Имеется в виду рассказ «Голова и плечи», опубликованный в «Сатердей ивнинг пост» в феврале 1920 г. (и в том же году – в сборнике «Фифы и философы»). Из всех популярных американских журналов этот отличался наибольшим тиражом и самыми щедрыми гонорарами. В общей сложности Фицджеральд опубликовал там более 60 рассказов и статей. (Примечания А. Б. Гузмана).

⁷ Говоря словами бессмертного Юлия Цезаря, «этим все сказано, добавить нечего». – Цезарь такого не говорил (ни сам по себе, ни у Шекспира, ни у Бернарда Шоу). Слова эти произнесла в 1904 г. американская актриса Этель Бэрримор (1879–1959), выйдя на поклон после финала пьесы Томаса Рейсуорда «Воскресенье»; с тех пор она заканчивала ими каждое свое выступление. (Примечания А. Б. Гузмана).

Это журнал⁸

При участии группы знаменитых персонажей из мира американской периодики

Сцена представляет собой обширное сырое и рыхлое пространство пустой журнальной полосы, где главное – не порох сражений, а бумага и популярность. Занавес украшен изображением особы верхом на лошади, выполненным в пять красок⁹. Одной рукой она подносит чашку чая к своим глянцевым губам, другая же изогнута в сложном замахе, оценить который способны лишь игроки в гольф; ее изумительным, слегка подкрашенным глазам придется одновременно следить и за движением той чашки, что в руке, и за сохранностью другой, водруженной на томик изящной поэзии. Когда занавес поднимается, появляется задник в виде коллажа из журнальных обложек. Из мебели только стол, на котором лежит одно-единственное периодическое издание, воплощающее абстрактное понятие журнала, и несколько густо покрытых рекламными объявлениями кресел, где сидят актеры. Каждый держит плакатик с именем персонажа, которого изображает. К примеру, Повесть Эдит Уортон¹⁰ держит плакат с надписью: «Автор – Эдит Уортон, в трех частях».

Рядом с левой ложей (но не в ней!) стоит джентльмен в нижнем белье с гигантским плакатом, который сообщает: «ЭТО ЖУРНАЛ».

Занавес поднимается, и зрители видят, что Повесть Эдит Уортон пытается навязать задушевную беседу немного высокомерному персонажу по имени Британский Роман с Продолжением.

Повесть Эдит Уортон(*с оттенком горечи в голосе*). И прежде чем я успела проявить хоть немного своего утонченного остроумия, я оказалась буквально затиснутой между отвратительным анекдотом из еврейского быта и... и вот этим недоразумением рядом со мной.

«Этим недоразумением» оказывается очень вульгарный, простонародный тип Бейсбольный Треп, вольготно растянувшийся в кресле.

Бейсбольный Треп. Уж не про меня ли сказ, дамочка?

«Дамочка» отвечает ледяным молчанием в духе Генри Джеймса. Вообще, она смахивает на леди, которая всю жизнь провела в трехкомнатных апартаментах и чью нервную систему изрядно потрепали мальчишки-лифтеры.

Бейсбольный Треп(*громко разговаривает сам с собой*). Сунули бы в журнал хоть одного приличного парня, с которым можно на пару потрепаться всласть!

Детективный Рассказ(*нервным шепотом*). У меня в третьем абзаце есть такой. Но, чур, осторожнее, не испортите мои остроумные реплики!

Бейсбольный Треп(*игриво*). А ежели и вставлю чего! Ха-ха-ха!

⁸ Эссе «This is a Magazine» опубликовано в журнале «Vanity Fair» в декабре 1920 г.

⁹ ...изображением... выполненным в пять красок. – Техника, применявшаяся для печати цветных иллюстраций в периодических изданиях начала XX в. (Примечания А. Б. Гузмана).

¹⁰ Эдит Уортон (Эдит Ньюболд Джонс, 1862–1937) – американская писательница из круга Генри Джеймса, лауреат Пулицеровской премии; значительную часть жизни провела во Франции. На русский язык переводились ее романы «В доме веселья» (1905), «Риф, или Там, где разбивается счастье» (1912), «Эпоха невинности» (1920), «В лучах мерцающей луны» (1922), повесть «Итан Фром» (1911). (Примечания А. Б. Гузмана).

Британский Роман с Продолжением (*обращаясь к Повести Эдит Уортон*). Не подкажете, кто эта малютка-новелла рядом с От Редактора? Не думаю, что видел ее с тех пор, как начал печататься.

Повесть Эдит Уортон (*понижая голос*). Дорогой мой, да она никто. Если не ошибаюсь, никакой родословной – только прошлое.

Британский Роман с Продолжением. Ей присуще определенное очарование, но сюжет крайне вульгарен.

Бейсбольный Треп (*обращаясь к Детективному Рассказу, грубовато*). Как бы благородный герцог не лопнул от важности! Ух ты! А что за старый хрен дрыхнет на собственном рекламном объявлении?

Детективный Рассказ. Это Роман Роберта Чемберса¹¹. Он в этом выпуске заканчивается.

Бейсбольный Треп. А симпатичная малявка рядом с ним! Новенькая, штоль?

Детективный Рассказ. Новенькая и ужасно запуганная.

Бейсбольный Треп. Будто писана мягким карандашиком.

Детективный Рассказ. А как разодета! Ужасная безвкусица, иллюстрации стоят дороже, чем она сама.

Несколькими стульями далее Любовный Стишок нежно наклоняется через соседку к другому Любовному Стишку.

Первый Любовный Стишок. Я обожаю ваши формы!

Второй Любовный Стишок. Вы тоже довольно привлекательны – во второй строке. Вот только размер немного напряжен.

Первый Любовный Стишок. Вы – цезура в средоточии всех моих строк. Увы! Кто-то вырежет вас и приклеит к зеркалу – или отправит к своей возлюбленной с пометкой: «Разве это не мило!» – прямо у вас на лбу накорябает. Или вставит вас в рамочку.

Второй Любовный Стишок (*застенчиво*). Думаю, теперь вам лучше вернуться на свою страницу.

В этот момент Роман Роберта Чемберса, вздрогнув, просыпается и ревматической походкой ковыляет к Повести Эдит Уортон.

Роман Роберта Чемберса (*голосом астматика*). Могу ли я присоединиться к вам?

Повесть Эдит Уортон (*едко*). Мне показалось, вас вполне устраивало общество этой сентиментальной штучки, с которой вы флиртовали за рекламными объявлениями.

Роман Роберта Чемберса. Напротив, она нагоняет на меня тоску. Каждый персонаж в ней рождается в законном браке. Ну да хоть какое-то облегчение после всей этой коммерческой болтовни.

Британский Роман с Продолжением. Скажите спасибо, что вас не поместили между двумя зловонными рекламами мыла. (*Он указывает на предмет у своих ног, который смахивает на парализованного гнома.*) Полюбуйтесь! Вот мое Краткое Содержание Предыдущих Частей. Неудивительно, что все опять запутались в сюжете.

Роман Роберта Чемберса. Слава богу, моя публикация окончена! Хотя случались за эти восемь месяцев кое-какие неприятные переживания. В одном номере со мной шел Рассказ о Пенроде¹², так от него было столько шума, что я не слышал собственных любовных сцен!

¹¹ Это Роман Роберта Чемберса. – Роберт Уильям Чемберс (1865–1933) – американский писатель, наиболее известный циклом мистических рассказов «Король в желтом» (1895). Позже переключился на исторические романы и журнальные романы с продолжением, пользовавшиеся большим успехом. (Примечания А. Б. Гузмана).

¹² В одном номере со мной шел Рассказ о Пенроде... – Приключения Удивительного Мальчика Пенрода американского писателя Бута Таркинтона (см. ниже) были очень популярны в 1920-1930-е гг. (Примечания А. Б. Гузмана).

Повесть Эдит Уортон(*желчно*). Не велика потеря. Любая продавщица может заполнить этот пробел с закрытыми глазами.

Роман Роберта Чемберса(*кисло*). Дорогая леди, ваша кульминация весьма и весьма сомнительна.

Повесть Эдит Уортон. По крайней мере, она у меня есть. А о вас все отзываются как об ужасной тягомотине.

Бейсбольный Треп. Ну, наши важные шишки друг другу заскучать не дадут!

Повесть Эдит Уортон. Вашего мнения никто не спрашивал!

Бейсбольный Треп. Да ладно тебе! Ты вся раздулась от многоточий!

Повесть Эдит Уортон. Во всяком случае, не от сомнительных метафор!

Роман Роберта Чемберса. Слабовато парируете! Подобный юмор к лицу лишь колумнистам!

Зычный голос с ораторскими интонациями перекрывает их перебранку.

Это...

Политическая Статья. Да полно вам! Нет места непримиримости! Не существует узла, завязанного так, чтобы нам не выйти из лабиринта!

Новелла Без Роду-Племени(*робко*). Дорогие друзья, это милый, уютный мир. Так что не отравляйте свои слабые легкие гадкими, нехорошими словами.

Британский Роман с Продолжением. Опять эти призраки портеровских героинь!¹³

Новелла Без Роду-Племени. Вам не понять, что такое оскорбление, пока вас не вернут с пометкой на конверте: «Завербуйся на флот»!

Британский Роман с Продолжением. Если бы меня выудили из мусорной корзины, я бы не стал этим хвастаться!

Бейсбольный Треп. Отлезь от нее, она девчонка честная! Ща как врежу тебе прямо в финал!

Они вскакивают с мест и с угрожающим видом расправляют плечи. Остальные заражаются их волнением: Откровение Бэзила Кинга¹⁴ забывает о своих доверчивых королевах и заливается слезами; Статья Об Эффективном Спросе, потеряв голову, мечется по всему номеру, и даже иллюстрации выпрыгивают из рамок, причем скромные полутонные в демократическом раже пытаются обогнать фотогравюры. Всеобщий ажиотаж распространяется даже на рекламные объявления. Мистер Мэдисон Уимз из Сиэтла падает в банку с кольдкремом «Без волос». Силач и здоровяк После Употребления бессильно повисает на телефонной трубке; Курс Начинаящего Литератора покрывается Крысиным Ядом. Кровяное давление взлетает вместо тиража.

Какое-то время на сцене творится настоящий хаос, и, когда уже кажется, что минуты этого журнала сочтены и пронумерованы, как и его страницы, Содержание – энергичный джентльмен, до сих пор сидевший в партере незамеченным, – громовым голосом провозглашает в мегафон: «ПО

¹³ Опять эти призраки портеровских героинь! – Элинора Портер (1868–1920) – американская писательница, автор выпущенного в 1913 г. sentimentalного бестселлера об одиннадцатилетней девочке Поллианне, чье имя стало нарицательным для обозначения беспочвенного оптимизма. Книга была неоднократно экранизирована; самая известная постановка – 1920 г. (когда и была написана эта статья), с Мэри Пикфорд в главной роли. Также см. ниже. (Примечания А. Б. Гузмана).

¹⁴ ...Откровение Бэзила Кинга... – Бэзил Кинг (1859–1928) – канадский пастор и писатель, автор дидактическо-sentimentальных романов «Гризельда» (1900), «Внутренний храм» (1909), «Поднятая вуаль» (1917) и др. Некоторые из них были экранизированы в эпоху немого кино, но почти все фильмы утрачены. (Примечания А. Б. Гузмана).

МЕСТАМ! ЧИТАТЕЛЬ!» Воцаряются тишина и темнота, затем наплзают глянцевые глазищи наездницы с обложки в пяти красках.

Из темноты доносится голос, и в великой тишине он похож на Глас Божий.

Голос. Интересно, найдется ли тут что-нибудь интересненькое почитать. Ух какая краля-то на обложке!

Шутка Номера. Хи-хи-хи! (*Это старческое, гротескное, ужасающее хихиканье.*)

Лампы освещают по-прежнему опущенный занавес, перед которым сидит одинокий читатель, рабочий сцены. На его лице – выражение торжественной и всепоглощающей скуки. Он читает журнал.

Три города¹⁵

Впервые оно возникло в Париже, это ощущение – мимолетное, по большей части литературное, поверхностное ощущение, что мир становится темнее. Мы тщательно реконструировали старую теорию и, будучи оба блондинами, бросали надменные взгляды на смуглых детей, играющих вокруг. Мы оставили Америке менее чем полпроцента. Американской, но строптивой и сентиментальной живительной силе было суждено вырасти в нас. В нас кипело древнее негодование против французов. Мы час просидели перед домом Анатоля Франса – в надежде, что старый джентльмен выйдет оттуда, но в то же самое время думали, что, когда он умрет, Франция во пламени и славе умрет вместе с ним. Мы ездили в *Bois de Boulogne*¹⁶, считая Францию испорченным и мстительным дитятей, которое вот уже двести лет держит Европу в смятении, а последние сорок из них призывает вставать на ее сторону в сражениях, чтобы континент как можно дольше оставался кровавой клоакой.

В Брентано рядом с «Café de la Paix» я за три доллара отхватил запрещенного драйзеровского «Гения» – после «Титана» я люблю его больше всех остальных пяти романов, несмотря на нелепый эпизод с христианской наукой в конце. Мы оставались в Париже достаточно долго, чтобы я успел дочитать «Гения» до конца.

Италия, которая для англичан то же, что Франция для американцев, пребывала в добром расположении духа. Как заметил некий французский комедиограф, мы неотвратимо ненавидим наших благодетелей, посему я был рад увидеть Италию, отбросившую четырехлетнее нездоровое подавление желаний. Едва ли можно винить отряд итальянских солдат в том, что они во Флоренции поколотили даму из Омахи, которая отказалась уступить свое купе некоему полковнику. Еще бы, ведь эта нахалка ни слова не говорила по-итальянски! Так что вряд ли кто-то осудит карабинеров за то, что они разгневались. А что до тумачков, ну поколотили ее маленько – мальчишки есть мальчишки! По сложившейся традиции американское посольство в Риме длительное время пребывает в прямой зависимости от американской сентиментальной литературы, и я не сомневаюсь, что оно нашло повод умилиться естественности нравов строптивых берсальеров.

В Риме мы прожили две недели. Прелестное место. Мы пробыли две недели, хотя уехали бы через два дня, – могли бы уехать, если бы у нас не кончились деньги. Однажды я повстречал на улице Джона Картера, автора «Этой необузданной молодежи»¹⁷, и он ссудил меня чеком на тысячу лир. Мы всё потратили на мазь.

В Риме все просто молятся на эту мазь. Все постояльцы двух лучших отелей пострадали от напасти, которую хозяева называют «слишком мелкими для москитной сетки комарами». У нас в Америке они называются иначе.

Джон Картер одолжил нам «Элис Адамс», и мы читали ее друг другу вслух под сенью дома Цезаря. Благодаря Элис мы не померли в Риме, как это случилось с очень многими менее удачливыми любителями литературы. «Элис Адамс» сполна искупает инфантильную напыщенность «Рэмси Милхолланда» и шутовской спиритуализм «Великолепных Эмберсонов»¹⁸.

¹⁵ Эссе «Three Cities» опубликовано в журнале «Brentano's Book Chat» в сентябре-октябре 1921 г.

¹⁶ Булонский лес (фр.).

¹⁷ ...Джона Картера, автора «Этой необузданной молодежи»... – Джон Ф. Картер-мл. (1897–1967) – выпускник Йеля, журналист, впоследствии сотрудник экономической службы Государственного департамента США и радиоведущий на канале Эн-би-си. Статью «Эта необузданная молодежь, из первых уст» («„These Wild Young People“, by One of Them») опубликовал в журнале «The Atlantic Monthly» в сентябре 1920 г. (Примечания А. Б. Гузмана).

¹⁸ «Элис Адамс» сполна искупает инфантильную напыщенность «Рэмси Милхолланда» и шутовской спиритуализм «Великолепных Эмберсонов». – Все три книги принадлежат перу Бута Таркингтона (1869–1946) – американского писателя, дважды лауреата Пулицеровской премии (только он, Фолкнер и Апдайк получали Пулицер больше одного раза). До 1960 г. его книги экранизировались несколько десятков раз («Великолепные Эмберсоны» – Орсоном Уэллсом), а после 1960 г. вышла лишь

После трех отважных попыток одолеть «Лунатика» испытываешь райское наслаждение, читая автора, который умеет писать.¹⁹

Умаслив билетного агента с помощью тысячи лир (это была идея агента, не наша), чтобы тот перехватил для нас купе у некоего старого генерала, мы сподобились выехать из Италии.

– *Vous avez quelque chose pour déclarer?*²⁰ – спросил нас таможенник рано утром на следующий день (правда, его французский был получше).

С огромным трудом я очнулся ото сна про итальянских нищих.

– *Oui!* – возопил я. – *Je veux déclarer que je suis très, très heureux a partir d'Italie!*²¹

Наконец-то я смог понять, за что же французы так любят Францию. Они видели Италию.

Мы уже бывали в Оксфорде раньше – после Италии мы вернулись туда в сумерках, мы торжественно прибыли в дом, наводненный призраками призраков – романтическими, абсурдными или меланхолическими персонажами «Зловещей улицы», «Зулейки Добсон» и «Джуда Незаметного».²² Но что-то было не так на этот раз – случилось что-то непоправимое. Здесь был Рим²³ – здесь, на Хай-стрит, бродили тени с Аппиевой дороги. И сколько-то лет спустя будут наши потомки приближаться к этим руинам с надменными взорами, дабы купить открытки у представителей низшей расы – тех, кто когда-то были англичанами. Очень скоро – ибо деньги стремятся в богатые земли, к здоровым истокам, а искусство раболепно следует за деньгами. Пробьет и твой час, Нью-Йорк, лет через пятьдесят-шестьдесят. Голова Аполлона отчаянно вглядывается в новые знамена, развевающиеся на острие грядущего века, знамена, которые нашему поколению уже не суждено увидеть.

одна экранизация. (Примечания А. Б. Гузмана).

¹⁹ После трех отважных попыток одолеть «Лунатика» испытываешь райское наслаждение, читая автора, который умеет писать. – «Лунатик» («Moon-Calf», 1920) – первый роман чикагского писателя Флойда Делла (1887–1969), бестселлер. (Примечания А. Б. Гузмана).

²⁰ У вас есть о чем заявить? (фр.)

²¹ Да! Я хочу заявить, что счастлив покинуть Италию! (фр.)

²² Мы уже бывали в Оксфорде раньше – после Италии мы вернулись туда в сумерках, мы торжественно прибыли в дом, наводненный призраками призраков – романтическими, абсурдными или меланхолическими персонажами «Зловещей улицы», «Зулейки Добсон» и «Джуда Незаметного». – «Зловещая улица» («Sinister Street», 1913) – роман Комптона Маккензи (1883–1972), учившегося в одном оксфордском колледже с Оскаром Уайльдом (Магдалена-колледж); действие третьей части романа происходит в Оксфорде. «Зулейка Добсон, или Оксфордская история любви» («Zuleika Dobson, or an Oxford Love Story», 1911) – сатирический роман Макса Бирбома (1872–1956), эстета из круга Оскара Уайльда. «Джуд Незаметный» («Jude the Obscure», 1895) – роман Томаса Гарди (1840–1928) о каменщике, пытающемся получить образование в вымышленном городе Кристминстер, под которым имеется в виду Оксфорд. (Примечания А. Б. Гузмана).

²³ Здесь был Рим – здесь, на Хай-стрит, бродили тени с Аппиевой дороги. – Аппиева дорога (Via Appia, лат.) – важная из общественных дорог Древнего Рима; проложенная в 312 г. до н. э. при цензоре Аппии Клавдии Цехе, вела из Рима в Капую (позже – до Брундизия), обеспечивая сообщение Рима с Грецией, Египтом и Малой Азией. (Примечания А. Б. Гузмана).

Что я думаю и чувствую в возрасте 25 лет²⁴

Он остановил меня на улице. Он был стар, но не был мореходом. У него имелись седая борода и огонь в глазах. Какой-то, полагаю, друг семьи или вроде того.²⁵

– Послушай, Фицджеральд, – начал он. – Нет, ты послушай! Скажи-ка мне, с какого такого-сякого-этакого... с какого человеку твоих лет разводить на бумаге этакий пессимизм? Смысл-то в чем?

Я попытался отделаться от него насмешкой. В самом начале разговора он сообщил, что они с моим дедушкой в детстве дружили. После этого желание совращать его с пути истинного у меня исчезло. И я решил отделаться насмешкой.

– Ха-ха-ха! – произнес я подчеркнуто. – Ха-ха-ха! – А потом добавил: – Ха-ха! Ну что ж, до встречи.

И я попытался пойти дальше, но он цепко ухватил меня за руку и продемонстрировал недвусмысленные симптомы желания провести в моем обществе весь остаток дня.

– Когда я был молод... – начал он, а потом нарисовал привычную картинку, какую рисуют абсолютно все: каким великолепным, счастливым, беззаботным юношей он был в двадцать пять лет. То есть пересказал мне все то, что, по его нынешним мыслям, было у него в мыслях в его туманном прошлом.

Я не стал его прерывать. Время от времени я даже вежливо мычал, дабы изобразить удивление. Когда-нибудь я ведь и сам стану проделывать то же самое. Я сотворю для молодого поколения образ Скотта Фицджеральда, который – тут сомневаться не приходится – в данный момент не удалось бы опознать ни одному из моих современников. Но ведь к тому времени они тоже состарятся; и они будут уважать мой образ, как я буду уважать созданные ими...

– Так вот, – завершил беспечальный старикашка, – сейчас ты молод, здоров, сумел разбогатеть, счастлив в браке, достиг больших успехов в тот период жизни, когда еще не поздно ими насладиться, – так, может, поведаеть невинной дряхлой душе, зачем ты пишешь эти...

Тут я не выдержал. Ладно, скажу. Я начал:

– Ну, понимаете ли, сэр, мне представляется, что с возрастом человек делается более уязви...

Дальше я не продвинулся. Стоило мне раскрыть рот, как он торопливо пожал мне руку и отчалил. Слушать он не хотел. Ему было совершенно неинтересно, почему я думаю то, что думаю. У него просто возникла потребность выговориться, а тут я подвернулся под руку. Его удаляющаяся фигура исчезла, слегка покачиваясь, за ближайшим углом.

– Ладно, старый зануда, – пробормотал я. – Не хочешь – не слушай. Все равно ничего не поймешь.

Я от души пнул бордюрный камень, выместив на нем обиду, и пошел дальше.

Таков был первый случай. Второй приключился, когда не так давно ко мне явился репортер из большого газетного синдиката и сказал:

– Мистер Фицджеральд, по Нью-Йорку поползли слухи, что вы и... ах... вы и миссис Фицджеральд намерены по достижении тридцатилетнего возраста покончить с собой,

²⁴ Эссе «What I Think and Feel at 25» опубликовано в журнале «American Magazine» в сентябре 1922 г.

²⁵ Он остановил меня на улице. Он был стар, но не был мореходом. У него имелись седая борода и огонь в глазах. Какой-то, полагаю, друг семьи или вроде того. – Аллюзия на поэму С. Т. Кольриджа «Сказание о Старом Мореходе» (1798). Начало части первой в переводе В. Левика: Вот Старый Мореход. Из тьмы Вонзил он в гостя взгляд. «Кто ты? Чего тебе, старик? Твои глаза горят! Живей! В разгаре брачный пир. Жених – мой близкий друг. Все ждут давно, кипит вино, И весел шумный круг». И в переводе Н. Гумилева («Поэма о старом Морьяке»): Старик Моряк, он одного Из трех сдержал рукой. «Что хочешь ты, с огнем в глазах, С седой бородой? Открыты двери жениха, И родственник мне он; Уж есть народ, уж пир идет, Веселый слышен звон». (Примечания А. Б. Гузмана).

поскольку средний возраст внушает вам ужас и отвращение. Я хотел бы помочь вам предать это событие огласке, поместив его на передовицу пятисот четырнадцати воскресных газет. В одном углу страницы мы расположим...

– Ни слова! – воскликнул я. – Я и так знаю: в одном углу страницы вы расположите обреченную чету – она с мороженым, пропитанным мышьяком, он с восточным кинжалом. Глаза обоих устремлены на огромные часы, а на циферблате – череп и кости. В другом углу вы поместите большой календарь, где дата будет отмечена красным.

– Вот именно! – вскричал репортер в порыве энтузиазма. – Вы верно схватили суть. Ну, так и как же мы...

– Послушайте! – оборвал я его сурово. – Слух этот – полный бред. Абсолютный. Когда мне исполнится тридцать лет, я уже не буду тем же человеком – я буду другим. Даже тело у меня будет другим, потому что я когда-то прочитал про это в книжке, и мировоззрение у меня будет совсем другое. Я даже буду женат на другом человеке.

– Ага! – прервал он, и глаза его вспыхнули; он вытащил блокнот. – Это очень интересно.

– Нет-нет-нет! – поспешно выкрикнул я. – В смысле, жена тоже будет другой.

– Я понял. Вы собрались разводиться.

– Да нет! Я хотел сказать...

– Ну, это не так важно. Но чтобы в сюжете было какое-то наполнение, там должно быть много упоминаний про поцелуйные вечеринки. Вы, случайно, не считаете, что... кхм... петтинг-вечеринки представляют серьезную угрозу Конституции? И, да, для внутренней связи, можем мы упомянуть, что именно петтинг-вечеринки стали основной причиной вашего самоубийства?

– Послушайте! – прервал я его в отчаянии. – Постарайтесь уразуметь: я понятия не имею, какое петтинг-вечеринки имеют к этому отношение. Я всегда боялся состариться, потому что с возрастом неизбежно возрастает уязви...

Но, как и в случае с другом семьи, дальше мне продвинуться не удалось. Репортер страстно стиснул мою руку. Пожал. Потом пробормотал что-то о том, что ему еще брать интервью у хористки, у которой лодыжка, по слухам, из чистой платины, и поспешно ретировался.

Таков был второй случай. Как вы видели, мне удалось сообщить обоим собеседникам, что «с возрастом повышается уязви...». Оказалось, что им это решительно неинтересно. Старик говорил о себе, а репортер – о петтинг-вечеринках. Стоило мне заикнуться об «уязви...», оказалось, что у обоих есть другие дела.

И тогда, возложив одну руку на Восемнадцатую поправку, а другую – на серьезную часть Конституции,²⁶ я принес торжественную клятву, что рано или поздно поведаю кому-нибудь свою историю.

Совершенно логично, что по мере того, как человек стареет, повышается его уязвимость. Например, три года назад меня мог обидеть один-единственный человек: я сам. Если, например, жена моего лучшего друга оставалась без волос, потому что их выдрала электрическая стиральная машина,²⁷ я, понятное дело, переживал. Я произносил перед другом длинную речь, где часто повторялось слово «старина», а завершал ее цитатой из Прощального послания Вашингтона.²⁸ Однако, закончив, я отправлялся в хороший ресторан и там с удовольствием ужинал.

²⁶ ...возложив одну руку на Восемнадцатую поправку, а другую – на серьезную часть Конституции... – Восемнадцатая поправка к Конституции США, принятая конгрессом 17 декабря 1917 г. и ратифицированная тремя четвертями штатов к январю 1919 г., запрещала производство, продажу и транспортировку алкоголя. Этот так называемый сухой закон был отменен Двадцать первой поправкой 5 декабря 1933 г. (Примечания А. Б. Гузмана).

²⁷ ...жена моего лучшего друга оставалась без волос, потому что их выдрала электрическая стиральная машина... – Ранние электрические стиральные машины (выпуск их начался с 1910 г.) оборудовались внешними отжимными валками, куда легко могло затянуть волосы, и все передаточные механизмы этих машин тоже были открыты. (Примечания А. Б. Гузмана).

²⁸ ...цитатой из Прощального послания Вашингтона. – В 1796 г. Джордж Вашингтон мог баллотироваться и на третий срок (конституционных ограничений срока президентства тогда еще не ввели), однако 17 сентября, за полтора месяца до

Когда мужу моей троюродной сестры маникюрша перерезала артерию, я не скрывал своего глубочайшего расстройства. Однако, услышав эту новость, я не упал в обморок, и меня не пришлось везти домой в первом попавшемся прачечном фургоне.

Короче говоря, я был практически неуязвим. Я, как оно и полагается, испускал стон, если тонуло судно или сходил с рельсов поезд; но, как мне представляется, если бы весь город Чикаго вдруг канул в Лету, это вряд ли помешало бы мне как следует выспаться ночью – при условии, что никто бы мне не намекнул, что следующим на очереди стоит Сент-Пол. Но даже и тогда я бы попросту переправил свои пожитки в Миннеаполис и спал бы дальше.

Но то было три года назад, когда я еще был молод. Мне было всего-то двадцать два года. Когда мне случалось сказать нечто, что не нравилось литературным критикам, им достаточно было воскликнуть: «Боже, какая неискушенность!» Это заставляло меня притихнуть. Клейма «неискушенность» хватало.

Так вот, теперь мне уже двадцать пять, и я перестал быть неискушенным – по крайней мере, глядя в обычное зеркало, я там никакой неискушенности не вижу. Зато я стал уязвимым. Уязвимым во всех отношениях.

На потребу налоговым агентам и кинорежиссерам, которым, возможно, попадет в руки этот журнал, поясню, что «уязвимость» – это то же самое, что и «ранимость». Так вот все просто. Я теперь сделался ранимее. Можно ранить мою грудь, мои чувства, мою челюсть, мою платежеспособность; можно также ранить мою собаку. Я понятно выражаюсь? Мою собаку.

Нет, речь идет не о новой части тела, только что открытой Институтом Рокфеллера.²⁹ Я имею в виду настоящую собаку. Я имею в виду, что, если кто-нибудь сдаст нашего семейного пса в собачий отлов, моя душевная рана будет немногим меньше собакой. Тем самым этот негодяй ранит мою внутреннюю собаку. А если наш врач скажет мне завтра: «Ваш ребенок не вырастет светловолосым», он ранит меня туда, куда раньше меня ранить было невозможно, потому что раньше у меня не было ребенка, в которого можно было ранить. А если, когда моя дочь вырастет и ей стукнет шестнадцать, она сбежит с каким-нибудь типом из Сион-Сити, пребывающим в уверенности, что Земля плоская,³⁰ – я бы, кстати, не стал этого писать, но пока ей всего полгода и читает она не очень, так что дурных мыслей я ей в голову не вложу, – ну так вот, мне нанесут очередную рану.

В то, как могут ранить вашу жену, я вдаваться не стану, слишком уж предмет деликатный. И никаких личных примеров приводить не буду. Однако, по определенным личным причинам, мне известно: если кто-то говорит вашей жене, что не стоило бы ей носить желтое, поскольку в нем она выглядит очень бледной, шесть часов спустя слова этого человека начинают доставлять вам несказанные страдания.

«Доберись до него через жену!» «Похить его ребенка!» «Привяжи жестянку к хвосту его пса!» Сколь часто мы слышим эти призывы в жизни – я уж не говорю о фильмах. И как меня подирает от них по коже! Три года назад можно было орать их у меня под окном всю летнюю ночь, и я бы и глазом не моргнул. Единственное, что могло меня пробудить, это слова: «Погоди-ка. Похоже, отсюда я запросто в него попаду».

выборов, он обратился к нации с прощальным посланием, в котором, в частности, дал рекомендации правительству насчет внешней и внутренней политики (например, не вступать в постоянные альянсы с иностранными державами). По традиции каждый год 22 февраля, до начала очередной сессии законодательного собрания, текст Прощального послания Вашингтона зачитывается перед обеими палатами конгресса. (Примечания А. Б. Гузмана).

²⁹ ...речь идет не о новой части тела, только что открытой Институтом Рокфеллера. – Рокфеллеровский институт медицинских исследований был учрежден в Нью-Йорке нефтяным магнатом и филантропом Джоном Рокфеллером в 1901 г.; в 1965 г. переименован в Рокфеллеровский университет. (Примечания А. Б. Гузмана).

³⁰ ...типом из Сион-Сити, пребывающим в уверенности, что Земля плоская... – Сион – город в штате Иллинойс, основанный в 1901 г. христианским фундаменталистом Джоном Александром Доуи (1847–1907) и остававшийся под теократическим управлением до 1935 г. (Примечания А. Б. Гузмана).

Раньше у меня было примерно десять квадратных футов кожи, уязвимых для насморка и простуды. Теперь их около двадцати. Сам я не слишком увеличился в размерах, но в эти двадцать футов входит и кожа моих родных – так что, говоря фигурально, я увеличился, потому что, если насморк или простуда одолевает любой из этих двадцати футов кожи, трястись в лихорадке начинаю именно я.

Вот так вот я неспешно вступаю в средний возраст, ибо средний возраст – это не накопление прожитых лет, а накопление близких людей. Не имея детей, любые деньги можно растягивать до бесконечности. Двум людям нужны комната и ванная; паре с ребенком нужен номер люкс для миллионеров на солнечной стороне отеля.

Позвольте же мне начать религиозный раздел этой статьи словами, что если редактор полагал получить нечто пышущее юностью и счастьем – да, а также неискушенностью, – то придется мне отправить его к своей дочери – если она, конечно, согласится диктовать под запись. Если кто-то полагает меня неискушенным, пусть поглядит на нее – от ее неискушенности меня разбирает смех. Ее, кстати, тоже разбирает смех от собственной неискушенности. Если бы какой литературный критик ее увидел, у него бы случился нервный срыв прямо на месте. С другой стороны, любой человек, который пишет письмо ко мне – будь он редактором или кем-либо еще, – пишет человеку среднего возраста.

Итак, мне двадцать пять лет, и я должен признать, что определенная часть этого срока внушает мне удовлетворение. Я имею в виду, что первые пять лет прошли довольно неплохо, – а вот следующие двадцать! Они состояли из самых что ни на есть ярких контрастов. Кстати, это произвело на меня такое сильное впечатление, что время от времени я даже брался рисовать диаграммы, пытаюсь вычислить, в какие годы я был наиболее счастлив. А потом впадал в бешенство и рвал их в куски.

Пропустим долгую череду ошибок, из которых состояло мое отрочество, и начнем с того, что в пятнадцать лет я отправился в частную школу и попусту убил там два года, ставшие годами глубокого и бессмысленного несчастья. Несчастлив я был оттого, что попал в положение, где все считали, что я должен вести себя точно так же, как и они, – а мне не хватало мужества закрыть рот и поступать по-своему вопреки всему.

Например, у нас в школе был один недалекий малый по имени Перси, и по некоей неведомой причине мне было крайне важно заслужить его одобрение. Ради этой сомнительной почести я позволил той невеликой части своего разума, которая была уже более или менее возделана, вернуться к состоянию непрореженного подлеска. Я часами торчал в волглом спортивном зале, идиотски постукивая изгвазданным баскетбольным мячом, доводя себя до волглой изгвазданной ярости, – хотя на деле мне хотелось вместо этого пойти погулять.

Все это делалось ради того, чтобы произвести впечатление на Перси. Он считал, что жить нужно именно так. Если вы не занимались каждый день этим волглым бредом, вас объявляли «придурком». Это было его любимое слово, и оно меня страшно пугало. Я не хотел быть придурком. Предпочитал ходить изгвазданным.

Кроме того, на уроках Перси отличался редкостной тупостью; поэтому и я решил прикидываться тупым. Если мне случалось писать рассказы, я писал их исподтишка, чувствуя себя преступником. Если у меня рождалась некая мысль, которая не пролезала в дивную пустую голову Перси, я тут же отказывался от этой мысли и чувствовал себя виноватым.

Понятное дело, ни в какой университет Перси не поступил. Он нашел работу, и с тех пор мы почти не виделись, хотя, насколько мне известно, он весьма преуспел на поприще гробовщика. Время, проведенное в его обществе, было потрачено зря. В смысле, ему нечего было мне дать, и я не имею ни малейшего понятия, почему меня занимали его слова и мысли. Однако осознал все это я слишком поздно.

Хуже всего было то, что так оно и продолжалось до самых моих двадцати двух лет. В смысле, я с удовольствием занимался чем-то, что мне нравилось, пока кто-то не начинал качать головой и говорить:

– Послушай-ка, Фицджеральд, бросай ты это дело. Этим занимаются только... только придурки.

Слово «придурки» неизменно оказывало должное действие, я бросал заниматься тем, чем хотел заниматься и чем заниматься у меня получалось, и начинал заниматься тем, что мне навязывал очередной тип. Впрочем, время от времени я все-таки посылал очередного типа к черту; в противном случае я бы вообще ничего никогда не довел до конца.

В учебном офицерском лагере в 1917 году я начал писать роман. Я приступал к этому каждую субботу в час дня и трудился как каторжный до полуночи. Потом продолжал с шести утра до шести вечера в воскресенье – в шесть вечера мне полагалось вернуться в казарму. Мне это занятие страшно нравилось.

Через месяц ко мне с хмуростью на лицах подошли трое друзей:

– Слушай, Фицджеральд, в выходные положено отдохнуть, развеяться. А так, как ты, выходные проводят одни придурки!

Это слово меня убедило. По спине пробежал привычный холодок. В следующие выходные я отложил роман в сторону, отправился с остальными в город и всю ночь протанцевал на какой-то вечеринке. По ходу танцев я переживал за судьбу своего романа. Переживал так, что в лагерь вернулся не отдохнувшим, а совершенно издерганным. Вот это уж точно была настоящая придурь. Больше я в город не ездил. Дописал роман. Его отвергли; однако год спустя я его переделал, и он был опубликован под названием «По эту сторону рая».

Однако, перед тем как его переделать, я составил перечень «придурей», списав их с людей, которых можно было бы выстроить в шеренгу, и она дотянулась бы до ближайшей психбольницы. Итак, вы придурок, если вы:

1. Обручились, не скопив денег на свадьбу.
2. Бросили рекламный бизнес, проработав там всего три месяца.
3. Вообще хотите писать.
4. Думаете, что можете писать.
5. Пишете «о глупых мальчишках и девчонках, про которых никто не хочет читать».

И так далее, пока год спустя не выяснилось, что все просто шутили, а на деле всю жизнь верили, что писательство – мое единственное призвание и страшно хотели мне об этом сказать, едва языки сдерживали.

Впрочем, я еще слишком молод, чтобы извлекать из собственного жизненного опыта нравственные уроки для молодежи. Это занятие я приберегу до собственного шестидесятилетия, а там, как уже сказал, сочиню такого Скотта Фицджеральда, что Бенджамин Франклин покажется с ним рядом чистым счастливым, непонятно как пролезшим к славе. Даже в этой статье я уже успел наметить себе пунктиром небольшой, но симпатичный нимб. Беру свои слова обратно. Мне двадцать пять лет. Хотелось бы, чтобы у меня было десять миллионов и чтобы мне уже до самой смерти никогда не нужно было работать.

Но поскольку работать мне все-таки нужно, имеет смысл сразу же заявить, что главная вещь, которую я постиг, заключается в следующем: даже если вы мало что знаете – ну, так другие знают немногим больше. А о том, что вас действительно интересует, никто не знает и половины того, что знаете вы.

Если вы во что-то крепко верите – даже если верите в самого себя – и если готовы упорно заниматься одной этой единственной вещью, в итоге вы окажетесь в тюрьме, в раю, в газетных передовицах, в самом просторном особняке на всей улице – в зависимости от того, во что вы вцепились. Если вы ни во что особо не верите – не верите даже в самого себя, – жизнь пойдет себе потихоньку, на вас заработают достаточно денег, чтобы чьему-то сыну хватило на

автомобиль; вы женитесь, если выкроите для этого время, а если выкроите, обзаведетесь кучей детей, для чего время выкраивать необязательно, а потом вам все это надоест и вы умрете.

Если вы принадлежите ко второй категории, все самое веселое произойдет с вами до достижения двадцатипятилетнего возраста. Если к первой – то после.

Дело в том, что, если вы принадлежите к первой категории, вас частенько будут обзывать полным идиотом, а то и похуже. Так оно было в Филадельфии году в 1727-м, так оно и сейчас. Всякому известно, что, если парень шляется по городу, жуя буханку хлеба, и ему наплевать, кто и что про это подумает, он полный идиот.³¹ Это же ясно как день! Однако портреты очень многих полных идиотов потом попадают в школьные учебники – а снизу подписывают их имена. А что касается людей благоразумных, тех, кто выкраивал время посмеяться над первыми, – ну, их портреты тоже попадают в учебники. А вот имена – нет, а улыбка, как правило, застывает у них на губах.

Этой конкретной разновидности полного идиота невредно уяснить, что именно тогда, когда его обзывают полным идиотом, он – кто угодно, только не полный идиот. Главное – это оказаться правильной разновидностью полного идиота.

(Разумеется, вышеприведенный совет дается только тем полным идиотам, которым еще не исполнилось двадцати пяти. Для полных идиотов старше двадцати пяти он, возможно, не годится.)

Сам не могу понять, почему, взявшись писать про двадцатипятилетие, я немедленно начинаю писать про полных идиотов. Я не вижу тут никакой связи. Если бы меня попросили написать про полных идиотов, я стал бы повествовать о людях с золотыми коронками на передних зубах, потому что недавно один мой приятель поставил именно такие коронки и, когда его всего за час трижды перепутали с ювелирной лавкой, он пришел ко мне и спросил, не слишком ли его коронки бросаются в глаза. Я человек добродушный, а потому ответил, что вовсе бы ничего не заметил, если бы солнце не падало прямо на коронки. А потом спросил, зачем он их поставил.

– Ну, – сказал он, – дантист мне сказал, что фарфоровые коронки через десять лет могут сломаться.

– Через десять лет! Ну, так ты, может, и не проживешь десяти лет.

– Верно.

– Конечно, приятно, что потом, лежа в гробу, уже можно будет не волноваться за состояние своих зубов.

И тут мне пришло в голову, что половина ныне живущих людей вечно ставит себе золотые коронки. В том смысле, что они думают: а что будет через двадцать лет? Ну, пока вы молоды, еще не страшно думать о том, что успех придет не скоро, – только не стоит слишком уж это «не скоро» растягивать. А вот о собственном удовольствии – о собственных передних зубах! – лучше подумать прямо сейчас.

И в этом состоит вторая вещь, которую я усвоил, становясь уязвимым человеком среднего возраста. Подведем итоги:

1. Я убежден, что никто не знает о деле, которым вы занимаетесь, столько, сколько знаете вы. А если кто-то знает больше, это уже не ваше, а его дело, а вы – его работник, а не самостоятельный человек. А как только дело станет истинно вашим делом, вы будете знать о нем больше, чем кто бы то ни было.

³¹ Так оно было в Филадельфии году в 1727-м, так оно и сейчас. Всякому известно, что, если парень шляется по городу, жуя буханку хлеба, и ему наплевать, кто и что про это подумает, он полный идиот. – Аллюзия на эпизод из второй главы автобиографии «Жизнь Бенджамина Франклина»: «Мы прибыли в Филадельфию в воскресенье утром... <...> Не зная ни здешних цен, ни названий различных сортов хлеба, я сказал булочнику, чтобы он дал мне чего-нибудь на три пенни. Тогда он дал мне три большие пышные булки. Я удивился такому количеству, но взял их, и так как у меня в карманах не было места, то я сунул по одной булке себе под мышки, а третью стал есть». (Примечания А. Б. Гузмана).

2. Никогда не ставьте золотые коронки на передние зубы.

А теперь я перестану прикидываться добродушным молодым человеком и явлю свое истинное лицо. Я докажу вам, если вы пока и сами этого не поняли, что в моей натуре присутствует зло и в качестве сына я себя никому не пожелаю.

Я не люблю стариков. Они вечно твердят о своем «жизненном опыте» – какового почти ни у кого из них нет. Собственно, в пятьдесят большинство из них совершают те же ошибки и верят в те же расхожие двадцатикаратные бредни, что и в семнадцать. А причина тому – все та же старая добрая уязвимость.

Возьмем тридцатилетнюю женщину. Она считается счастливой, если обременила себя множеством вещей: мужем, детьми, домом, прислугой. Если у нее три дома, восемь детей и четырнадцать слуг, считается, что ей уж совсем повезло. (Множественные мужья обычно счастья не прибавляют.)

Да, но когда она была молода, она переживала только за саму себя; теперь ей приходится переживать за все неприятности, которые могут произойти с любым из этих людей или предметов. Она в десять раз уязвимее. Более того, она не в состоянии порвать ни одну из этих связей, сбросить хотя бы одно бремя – разве что ценой величайших мук и горестей. Все эти вещи давят непомерным грузом и одновременно являются величайшими ценностями ее бытия.

Соответственно, все, что не делает ее защищеннее или как минимум не дает ей чувства защищенности, вызывает у нее раздражение. Знания она обретает исключительно бессмысленные, из дешевых фильмов, дешевых романов и дешевых мемуаров титулованных иностранцев.

А тем временем ее супруг тоже начинает с подозрением относиться ко всему радостному и новому. Он редко обращается к ней, разве что посредством глубокомысленного хмыканья или дабы выяснить, отправила ли она его рубашки в стирку. В воскресенье, за семейным обедом, ему случается развлечь ее любопытными статистическими данными партийной политики и взглядами, высказанными в сегодняшней газетной передовице.

При этом после тридцати лет в глубине души жена и муж уже знают, что всё в прошлом. Светское общение превращается в муку – пока не выпьешь несколько коктейлей. Оно более не происходит спонтанно, это условность, с помощью которой они закрывают глаза на то, что другие их знакомые обоих полов выдохлись, потускнели и растолстели, однако их следует вежливо терпеть, ибо и самих их тоже вежливо терпят.

Я видел множество счастливых молодых пар – но редко видел счастливые семьи, в которых супругам за тридцать. Почти все семьи можно разделить на четыре категории:

1. Где муж – симпатичный самодовольный тип, который считает, что трудиться на ниве страхового бизнеса куда тяжелее, чем воспитывать детей, и поэтому дома все должны плясать вокруг него. Дети таких отцов, как правило, смываются от родителей, едва научившись ходить.

2. Где у жены – острый язычок и комплекс мученицы: она считает себя единственной женщиной на земле, когда-либо рожавшей ребенка. Это, как мне кажется, самые несчастные семьи.

3. Где детям постоянно напоминают, какой подвиг совершили родители, приведя их в мир, и как надлежит родителей уважать за то, что они родились в 1870 году вместо 1902-го.

4. Где всё – ради детей. Где родители платят за образование детей куда больше, чем могут себе позволить, и балуют их до умопомрачения. Кончается это, как правило, тем, что дети начинают стыдиться родителей.

Тем не менее я считаю брак одним из самых удачных существующих у нас институтов. Я всего лишь озвучиваю свое убеждение в том, что Жизнь, используя нас в своих целях, отбирает у нас все привлекательные свойства, а взамен дарует высокопарную, но поверхностную уверенность в собственной мудрости и «жизненном опыте».

Понятное дело, что, поскольку управляют миром старики, в мире возведен многослойный камуфляж, скрывающий тот факт, что только молодые люди привлекательны и значимы.

Окончательно запутав большинство читателей этой статьи, я перейду к заключению. Если вы не согласны со мной только в мелочах, у вас есть полное право воскликнуть: «Боже, какая неискушенность!» – и заняться чем-нибудь другим. Лично я не считаю себя неискушенным, потому что, по моим понятиям, человек моего возраста неискушенным быть не может. Например, несколько месяцев назад я прочитал в этом журнале статью некоего Ринга Ларднера, в которой упомянуто, что ему тридцать пять лет, и, помнится, подумал, каким молодым, счастливым и беззаботным он кажется в сравнении со мной.³²

Возможно, он тоже уязвим. Там про это ничего не сказано. Возможно, достигнув тридцатипятилетнего возраста, вы просто перестаете сознавать собственную уязвимость. Я могу сказать одно: если он когда-нибудь снова достигнет двадцатипятилетнего возраста, что крайне маловероятно, он, возможно, со мной согласится. Чем старше я становлюсь, тем отчетливее понимаю, что вообще ничего не знаю. Если бы меня попросили написать эту статью лет пять назад, может быть, ее бы еще и стоило почитать.

³² ...несколько месяцев назад я прочитал в этом журнале статью некоего Ринга Ларднера, в которой упомянуто, что ему тридцать пять лет, и, помнится, подумал, каким молодым, счастливым и беззаботным он кажется в сравнении со мной. – О Ринге Ларднере см. эссе «Ринг» (ниже). Здесь речь идет о статье «Общие симптомы 35-летия (как раз мой случай)», опубликованной Ларднером в журнале «Американ мэгэзин» в мае 1921 г. и чуть позже в том же году отдельным изданием под названием «Симптомы 35-летия». (Примечания А. Б. Гузмана).

Как бы я продавал свою книгу, будь я книготорговцем³³

Книге известного автора должна быть предоставлена вся витрина целиком – я уверен, что совместная выставка четырех книг в течение четырех дней не идет ни в какое сравнение с экспозицией одной-единственной книги в течение одного дня. Чтобы привлечь внимание, было бы забавно все книги поставить вверх тормашками, а среди них усадить человека в массивных очках, погруженного в чтение, – глаза его должны быть вытарашены от чрезмерного внимания, а левая рука прижата к сердцу.

Но если серьезно, вынесенный в заголовок вопрос ставит меня в тупик. Будь я книготорговцем, я бы, наверное, продвигал самую популярную книгу сезона независимо от того, макулатура это или нет.

Мода на книги, подобные моим, почти целиком зависит от колоссального критического веса, которым на сегодняшний день обладает Г. Л. Менкен³⁴. А особенно важно то воздействие, которое он оказывает опосредованно. Такие обозреватели, как Уивер в «Бруклин игл», Бишоп в «Вэнити фэйр», Бойд в «Сент-Пол ньюс» и десятки других, отражают либеральные тенденции, которые популяризирует Менкен.

Растущий спрос на подобные американские книги почти напрямую создается этими людьми, которые не оставляют места для халтуры на страницах своих изданий и делают произведения ныне живущих авторов приемлемыми для колеблющейся «избранной публики» в каждом городе.

Я и не знал, что «По эту сторону рая» – книга об эмансипе, пока Джордж Джин Нейтан³⁵, которому довелось прочесть фрагменты романа еще до публикации, не сказал мне об этом. Впрочем, я не считаю ни одну из моих героинь типичным воплощением этакой Далси³⁶ в укороченной юбке, прокладывающей путь через фойе отеля «Билтмор» во время вечернего чаепития. Моя героиня такова, какой эмансипе хотела бы себя видеть; реальная фифа-эмансипе – куда более унылый и серый экземпляр. Я постарался представить разные стороны личности – и был обвинен в создании типажа.

Думаю, будь я книготорговцем, по-настоящему заинтересованным в лучших книгах, я объявлял бы о хороших новинках сразу же, как только издатель сообщит мне о них, и загодя собирал бы заказы от покупателей.

«Глядите-ка, – говорил бы я им, – вот роман Фицджеральда, ну вы знаете – тот самый парень, который затеял все это дело насчет эмансипе. Я так понимаю, что его новая книга – ошеломительная сенсация (в заглавии слово „чертов“). Давайте-ка я запишу за вами один экземпляр».

И это было бы недалеко от истины. Я не большой любитель сенсаций, но в данном случае вынужден признать себя виновным. И я твердо уверен, что хотя мои книги и могут вызвать возмущение у многих, но зато они никого не заставят скучать.

³³ Эссе «How I Would Sell My Book if I Were a Bookseller» опубликовано в журнале «Bookseller and Stationer» в январе 1923 г.

³⁴ Г. Л. Менкен – Генри Луис Менкен (1880–1956) – влиятельный американский журналист и сатирик, редактор, совместно с Джорджем Джином Нейтаном, журналов «Смарт сет» и «Американ Меркьюри». (Примечания А. Б. Гузмана).

³⁵ Джордж Джин Нейтан (1882–1958) – видный литературный и театральный критик, в 1914–1923 гг. редактор журнала «Смарт сет», в 1924 г. основал, совместно с Г. Л. Менкеном, журнал «Американ Меркьюри». (Примечания А. Б. Гузмана).

³⁶ Далси – главная героиня одноименной пьесы Марка Коннелли и Джорджа Кауфмана, поставленной в 1921 г. (Примечания А. Б. Гузмана).

Десять лучших книг, прочитанных мною³⁷

«Записные книжки» Сэмюэля Батлера. Ум и сердце моего самого любимого викторианца.
«Философия Фридриха Ницше» (Г. Л. Менкен). Острый, безжалостный ум интерпретирует Великого Философа Современности.

«Портрет художника в юности» (Джеймс Джойс). Ибо именно Джеймс Джойс будет оказывать самое глубокое влияние на литературу в ближайшие пятьдесят лет.

«Зулейка Добсон» (Макс Бирбом). За подлинное наслаждение ее изысканным снобизмом.

«Таинственный незнакомец» (Марк Твен). Предельно искренний Марк Твен. Это и книга, и потрясающее откровение.

«Ностромо» (Джозеф Конрад). Как «Улисс» – великий роман будущего, это – великий роман последних пятидесяти лет.

«Ярмарка тщеславия» (Теккерей). Комментарии излишни.

«Оксфордская антология английской поэзии». По-моему, это собрание лучше, чем подборка Пэлгрейва.³⁸

«Таис» (Анатоль Франс). Великая книга, написанная Уэллсом и Шоу в одном флаконе.

«Семнадцать» (Бут Таркинтон). Самая смешная книга из всех, что я прочел.

³⁷ Эссе «10 Best Books I Have Read» опубликовано в журнале «Jersey City Evening Journal» в апреле 1923 г.

³⁸ «Оксфордская антология английской поэзии». По-моему, это собрание лучше, чем подборка Пэлгрейва. – Сравниваются антология под редакцией Артура Куиллера-Коуча, выпущенная в 1921 г., и «Золотая сокровищница лучших песен и лирических стихотворений на английском языке» (1889) под редакцией Фрэнсиса Тернера Пэлгрейва. (Примечания А. Б. Гузмана).

Воображение – и несколько матерей³⁹

Во дни вздорожания съемного жилья в дома утомленных грузчиков и торговцев бананами часто являлись напыщенные вдовы – лимузины свои они оставляли пыхтеть у тротуара.

– Джузеппе, – обращалась к хозяину напыщенная вдова, – чтобы атмосфера в доме была повеселее, нужно каждый вечер играть в шарады.

– В шарады? – повторял озадаченный Джузеппе.

– Всей семьей, – поясняла, сияя, вдова. – Вот представь себе, что в один из вечеров ваша жена и дочери задумали слова «виконтесса Солсберийская» или «инициатива и референдум» и представили их в картинках – а вы с сыновьями должны догадаться, что именно они представляют. Это очень весело, куда веселее, чем торчать в пивной.

Посеяв благое семя, вдова возвращалась в лимузин и отбывала к следующему Джузеппе в своем списке – список был составлен членами Общества поощрения салонных игр в небогатых семьях.

Так выглядела попытка насадить сверху воображение – попытка не более успешная, чем нынешние попытки переодеть гавайских аборигенов в балахоны из марли по доллар восемьдесят пять центов за штуку, пошитые в Патерсоне, штат Нью-Джерси.

Среднестатистический дом – место невообразимо скучное. Это банальность; она принимается за данность до такой степени, что на ней построен чуть ли не весь наш национальный юмор. Мужа тянет в клуб, а жену в кинематограф – как мог бы сказать, но не сказал Шелли,⁴⁰ – а в последнее время еще и дитя вопит, чтобы его покатали при лунном свете.

Статистические данные, полученные в прошлом году в штате Арканзас, свидетельствуют: тридцать семь из каждых ста жен признают, что замуж вышли, прежде всего чтобы сбежать из родительского дома. Цифры катастрофические. И то, что девятнадцать из этих тридцати семи сразу после замужества запросились обратно домой, ничего не меняет в этой ужасной ситуации.

Легко сказать, что в домах прежде всего недостает воображения. Хорошо контролируемое воображение – вещь почти настолько же редкая, как и радий, и оно вовсе не сводится к играм в шарады, подражаниям Чарли Чаплину или сооружению из папье-маше абажуров для газовых рожков образца 1891 года; воображение – это отношение к жизни. Оно состоит в том, чтобы вкладывать в доблестную, пожизненную, исконную битву с домашней скукой всю ту энергию, которую обычно вкладывают в воркотню, самооправдания и упреки – стандартные уловки, с помощью которых все мы привыкли коротать тяжелые часы.

При слове «энергия» сразу же возникает образ крупной суетливой женщины, которая тяжело дышит сквозь сжатые губы, носится от одного ребенка к другому и пытается устроить в гостиной такое миленькое рождественское представление. Вот только я имею в виду воображение совсем иного толка.

Существует несколько типов воображения. Например, я некогда знал одну мать семейства, некую миссис Джудкинс, обладавшую незаурядным воображением. Сложись жизнь немного иначе, миссис Джудкинс могла бы продавать плоды своего воображения журналам и кинокомпаниям, а возможно, даже изобрела бы новую разновидность бельевых крючков. Или применила бы свое воображение к тонкому и замысловатому делу – созданию уютного и

³⁹ Эссе «Imagination – and a Few Mothers» опубликовано в журнале «The Ladies' Home Journal» в июне 1923 г.

⁴⁰ Мужа тянет в клуб, а жену в кинематограф – как мог бы сказать, но не сказал Шелли... – Аллюзия на строки из стихотворения П. Б. Шелли «Опошлено слово одно...»: Так бабочку тянет в костер И полночь – к рассвету, И так заставляет простор Кружиться планету. (Перев. Б. Пастернака) (Примечания А. Б. Гузмана).

счастливого дома. Думаете, миссис Джудкинс воспользовалась своим воображением для этих целей? Ничего подобного. На это у нее воображения не хватило.

Дело в том, что воображение ее имело протечку и содержимое его постоянно вытекало в пустоту – примерно таким вот образом: в шесть утра миссис Джудкинс просыпается. Лежит в постели. Ее начинают одолевать ежедневные тревоги. Вчера вечером, когда ее дочь Анита пришла с танцев, не выглядела ли она усталой? Да, выглядела. У нее были темные круги под глазами. Темные круги – страшилка ее собственного детства. Миссис Джудкинс прекрасно помнит, как ее мать переживала из-за темных кругов. Нет сомнений, Анита находится на грани нервного срыва. Какой кошмар! Стоит вспомнить об этой миссис... как ее там – у которой случился нервный срыв в этом... этом... как там называлось это место? Только подумать! Ужас! Ну ладно, я... я попрошу ее сходить к врачу; а вдруг она откажется? Может, не пускать ее на танцы – этак месяц?

И выпрыгивает миссис Джудкинс из постели в состоянии нервной оторопи. Стремление у нее одно – совершить некий малопонятный неврастенический поступок, дабы отвлечь некую малопонятную неврастеническую катастрофу. Она уже вымоталась, потому что по-хорошему ей бы надо было еще часик поспать; но только теперь ей не до сна. Ее изумительное воображение уже соткало образ Аниты, лежащей в муках в постели, ее последние слова, что-нибудь вроде «я возвращаюсь к ангелам», – и ее горестную кончину.

Анита же, бодрая и здоровая эмансипированная девица семнадцати лет от роду, просто с характерными бодростью и здоровьем радуется жизни. Два вечера подряд она допоздна провела на танцах. На второй вечер притомилась, под глазами вылезли темные круги. Сегодня она намерена проспать до полудня и, если миссис Джудкинс не разбудит ее, дабы осведомиться о ее самочувствии, встанет свежей – хоть на журнальную обложку.

Однако сейчас еще только восемь, так что вернемся к миссис Джудкинс. Она отправилась на цыпочках взглянуть на обреченную Аниту, но по дороге заглянула в комнату, в которой почивает Клиффорд Джудкинс Третий, двенадцати лет. Воображение ее теперь работает с лихорадочной силой. Оно вышло на полную мощность и выдает по шестьдесят ярких картинок в минуту и будет выдавать, пока к часу ночи миссис Джудкинс, обессилив, не свалится в кому.

У Клиффорда оно тоже обнаруживает темные круги.

Бедный Клиффорд! Она решает, что не будет будить его в школу. Он для этого слишком слаб. А она потом напишет учителю записку и все объяснит. Вчера вечером, вернувшись с тренировки по бейсболу, он выглядел усталым. Бейсбол! Новая страшная мысль! А вдруг...

Не буду вгонять вас в тоску, живописуя все утренние часы миссис Джудкинс; а в тоску она вгонит кого угодно. Нервный, тревожный человек – одно из самых тоскливых зрелищ на свете. Хоть немного приободрить кого-то из окружающих у миссис Джудкинс просто нет сил. Собственно, после завтрака мистер Джудкинс выходит из дому под впечатлением, что в семье все ужасно, а жизнь в целом не задалась.

Впрочем, прежде чем уйти, он совершает колоссальный промах. Нечто, прочитанное в газете, заставляет его воскликнуть, что, если будет принято это тарифное правило Ганча-Бобли, бизнес его полетит ко всем чертям. Собственно, это не более чем дежурная воркотня. Жалобы на тарифное правило Ганча-Бобли – его немудреное хобби, однако...

Можно сказать, что он вбросил очередной мешок помола – помол можно расфасовать по мешкам? – в мельницу воображения миссис Джудкинс. В тот момент, когда он садится в автобус, миссис Джудкинс уже лицезреет его банкротство. Добравшись до центра, он – правда, без собственного ведома – уже просидел год в тюрьме, из-за ворот которой к нему вызывают женщина и двое голодных детишек. Входя в контору, он на деле входит в рабочий дом, где ему предстоит влачить в слезах нищую старость.

Впрочем, довольно; еще несколько часов повседневной жизни миссис Джудкинс высосут все силы и из меня, и из вас – как высасывают из всех, кому доводится с ней общаться.

Таких миссис Джудкинс на свете полно, и рассказывать про них можно бесконечно. Но я вас пощажу, поскольку хочу поговорить о другой женщине, которая, совместно с еще несколькими моими знакомыми, развязала доблестную войну против домашней тоски и скуки и, воспользовавшись совершенно неожиданным оружием, одержала блистательную и заслуженную победу.

Я расскажу вам об очаровательной даме, которая, как я уже сказал, использовала свое воображение самым неожиданным образом. Я не видел другого такого же счастливого дома.

Думаете, она некоторое время проработала в конторе мужа, изучила, как устроен его бизнес, чтобы беседовать с ним на эти темы по вечерам? Ничего подобного, читатель. Думаете, она купила справочник по футболу и вызубрила все правила, чтобы со знанием дела обсуждать игру со своими сыновьями? Нет, вовсе нет. И она отнюдь не организовала семейный оркестр, в котором Кларенс играл на барабане, Мейзи – на арфе, а Вивиан – на гобое. Она ровным счетом ничего не знала о футболе и не собиралась в это вдаваться. Ее замечания о деловой жизни супруга отличались очаровательной расплывчатостью. Он был производителем канцелярских товаров, а она, как мне представляется, по неведомой причине воображала, что он какой-то почтовый сотрудник.

Нет, она не принадлежала к числу тех жутких дам, которые знают о делах всех своих домочадцев больше, чем сами эти домочадцы. Она не доводила сыновей до трясучки, наставляя их в основах футбола, хотя время от времени потешала их полным непониманием того, как именно играют в эту игру. Она никогда не тащила груды канцелярии к семейному очагу. Она даже не в состоянии была решить дочке задачи по алгебре; признавала это в открытую и даже не пыталась. По сути, она вовсе не являлась образцовой матерью в понимании мисс Эмили Хоуп Демстер из средней школы Вайондот-Вэлли, автора статьи «Шагать впереди своих детей».

Она использовала свое воображение более тонким и дальновидным способом. Она знала, что в доме, где все находится под суровым правлением волевой женщины, девочки превращаются в безгласные тени, а мальчики – в маменькиных сынков. Она отдавала себе отчет в том, что здоровый рост ребенка предполагает постепенное отдаление от дома.

От этих бед миссис Пакстон защищалась, эгоистично наслаждаясь жизнью в собственном понимании этого слова. Она сохраняла молодость *не вместе* с детьми и *не ради* детей – пустые и по сути своей ужасные фразы, – она сохраняла молодость для себя. Когда дети бывали надоедливы, она их не ругала; она говорила, что они ее утомили.

Один из ее сыновей был изумительно хорош собой и при этом несказанно туп в учебе. Подозреваю, что из троих своих отпрысков его она любила чуть сильнее; но когда он проявлял свою тупость, она хохотала и говорила ему об этом в лицо. Она обзывала его «неучем» без упрека и злости, но с неизменным чувством юмора. А удавалось ей это потому, что дети для нее были индивидуальностями, а не прелестными вещичками для личного потребления.

Даже не обладая особым умом, можно преуспеть в этом мире. Собственно, Гарри Пакстон, пусть и не получивший высшего образования, весьма преуспел. А то, что он «неуч», до сих пор служит для них с матерью предметом домашних шуток.

Миссис Пакстон всегда обращалась с детьми как со взрослыми. По мере того как они подрастали, она все с большим уважением относилась к их личной жизни и все меньше в нее лезла. Они сами выбрали, в каких школах учиться; выбрали, чем заниматься; а что касается их друзей, если те не нагоняли на миссис Пакстон скуку или, в противном случае, не попадались ей на глаза, выбор друзей тоже оставался за детьми. Она была недурной музыкантшей, но, поскольку дети не выказывали предрасположенности к музыке, им даже не предлагали ею заниматься. Пока они были малы, они для нее едва существовали – когда не болели; когда они подросли, она стала извлекать из них массу удовольствия. Один из ее сыновей был блистательно умен; на нее это производило сильнейшее впечатление – как будто он был одним из тех людей, о которых пишут в газетах. Однажды она поведала группе изумленных и ошара-

шенных мамаш, что ее дочка Пруденс была бы вполне симпатичной, если бы не носила такие жуткие наряды.

А от расстройств она защищалась тем, что жила себе в радость, совершенно независимо от собственных детей. И в этом смысле поведение ее было неизменным. Пока дети были слишком малы, чтобы участвовать в ее развлечениях, она оставляла их развлекаться самостоятельно. Если их развлечения оказывались действительно занятыми, она принимала в них участие, однако редко портила им игру в «Дерни за веревочку», ввязавшись в нее вместе с ними. Она прекрасно знала, что детям гораздо лучше самим по себе, и играла с ними только тогда, когда ей самой хотелось поразмяться.

Семья у них была воистину счастливая. Детей не призывали и уж тем более не заставляли любить друг друга; в итоге, став взрослыми, они сохранили друг к другу сильнейшую и весьма сентиментальную привязанность.

Миссис Пакстон удалось построить счастливый дом, потому что ей и самой было в нем хорошо. Дети понятия не имели о том, что там все устроено ради них. Это было место, где они могли творить все, что им заблагорассудится, но не то место, где они могли творить все, что заблагорассудится, с кем-то еще. Дома их не ограничивали, но перед ними и не пресмыкались. Это было место, где отец и мать, судя по всему, были бесконечно счастливы внутри какой-то своей тайной жизни. Даже теперь дети умолкают и продолжают гадать, что же это были за изумительные и непостижимые шутки, которых они, дети, не понимали. Их всегда поощряли к участию в разговорах, если они были на то способны, однако односложными банальностями в таком случае уже было не отделаться.

Впоследствии, когда Пруденс пришла к матери за житейским советом, та ей его дала – так, как дала бы подруге.

Так же было и с ее сыном в студенческие годы. У него не было ощущения, что за спиной стоит кто-то, готовый все понять и простить. Его отправили в самостоятельную жизнь. Провалишь экзамен – никто не станет тебя ругать, читать нотации, рыдать над тобой; однако никто не станет нанимать тебе репетиторов. Почему? Да потому, что, если нанять репетитора, маме придется отказаться от нового платья, которое она уже присмотрела и от которого отказываться не намерена, – внятная, справедливая и совершенно лишенная сантиментов причина.

В этом доме никогда не было скучно, потому что никого ни к чему не принуждали; не нравится – не ешь. Это был дом, в котором мать и отец были счастливы. В этом доме не было недостатков; тут вам никогда не обещали пышной и мягкой постельки, где можно пестовать свои дурные привычки, выглядеть неряшливо и неопрятно, рычать и огрызаться, – иными словами, тут не культивировали мелкие пороки, слабости и недостатки. Взамен отказа от общепринятых привилегий матери, взамен верховенства над своими детьми и внушения им удобных, пусть и ошибочных, представлений миссис Пакстон вытребовала себе другое право: что дети не будут над ней верховенствовать, отравлять ей жизнь и «использовать» ее.

Проще всего обозвать ее «неестественной» матерью; однако роль «естественной старомодной матери» – самая удобная норка, в которую может ускользнуть женщина. Чтобы стать вот такой миссис Пакстон, требуется куда более богатое воображение. Материнство как слепая, нерассудочная привычка – это то, что мы унаследовали от наших пещерных пращуров. Тогда потворство материнскому инстинкту было всеобщим, вот и мы сделали из этого нечто святое – «не троньте!». Однако, по мере того как, век за веком, мы развиваемся, мы постепенно разделяемся с естественным, ибо естественно (и свято) убивать тех, кого мы ненавидим, или полностью растворяться в собственных детях.

То, что выдающиеся люди, как правило, происходят из больших семей, уже стало общим местом; однако причина того – не благая природа большой семьи как таковой; дело в том, что в больших семьях детские души, как правило, чаще оставляют в покое; на каждом из детей не оттискивают неизгладимую печать определенных представлений, ошибок, убеждений, антипа-

тий и предубеждений, которые мучили его матушку в 1889, 1901 или, скажем, 1922 году. В больших семьях ни один из детей не находится в слишком тесном контакте с родителями.

Возвращаясь к миссис Пакстон, хочу досказать, что было с ней дальше. Трое ее детей выросли и покинули родной дом, как это обычно бывает с детьми. Она скучала, однако это не стало концом ее деятельной жизни, поскольку ее деятельная жизнь всегда протекала независимо от детей. Она не превратилась в несчастную маменьку из фильмов, убитую разлукой, благодарную за один-единственный визит в году, существующую только ради того, чтобы четыре раза в месяц жадно поглощать письма, приходящие от разлетевшихся по разным краям сыновей и дочерей. Рано или поздно каждой женщине приходится постичь, что дети не являются ее собственностью. Что не для этого они существуют.

А миссис Пакстон хватило мудрости никогда не исходить из того, что дети – ее собственность. Ей хватило воображения понять, что они прежде всего самостоятельные личности; и, за вычетом уже упомянутых моментов их болезни, она всегда думала о них только как о личностях.

Так что жизнь ее и дальше потекла так, как текла до того. С возрастом развлечения ее менялись, однако старела она медленно. А самое удивительное заключается в том, что и дети видят в ней прежде всего личность, а не «маму», которой полагается раз в две недели писать письма и которая простит им даже самые несносные прегрешения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.